

MIKHAYLENOK Oleg Mihaylovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor; Head of the Department for Research of Social and Political Relations, Center for Political Science and Political Sociology, Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; m-oleg-m@yandex.ru)

MALYSHEVA Galina Anatol'evna, Researcher Scientist of the Center for Political Science and Political Sociology, Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; lamaga2007@yandex.ru)

CONCERNING DIGITAL NETWORK ASPECTS OF THE MILITARIZATION OF RUSSIAN SOCIAL AND POLITICAL SPHERE

Abstract. The paper discusses the problems of digital transformation of the Russian society amid the global conflict in which our country is currently involved. It explores a number of phenomena that manifest themselves in the context of militarization of public consciousness and affairs, which testify to the existence in Russia of specific social and political features common to the postmodern culture. This includes, among other factors the spread of values and behavioral patterns of the post-heroic cultural and social model, the progressive gamification of commemorative practices, the activation of nomadic activity forms as the basis for individual life strategies. The authors raise the question on the need to comprehend the essence of the Russian society in the modern technical, social and geopolitical context and determine its place in the global socio-cultural landscape in order to make necessary adjustments to the national development goals and priorities.

Keywords: digital society, postmodernity, network development, post-heroic era concept, politics of memory, gamification, digital nomadism

МАТЯШОВА Дарья Олеговна – аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; dasham0708@mail.ru)

МЕСТО ЦИФРОВЫХ УГРОЗ В СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В работе анализируются причины выделения цифровых угроз в отдельную и приоритетную группу угроз в рамках обновленной концепции человеческой безопасности. Особенность исследования заключается в синхронном анализе политических и теоретических детерминантов трансформации концепции. В результате исследования выявляется, что новое место цифровых угроз в современной концепции человеческой безопасности обусловлено необходимостью структурировать большое число новых угроз, выделять главные из них, сосредоточиваться на угрозах, особо значимых для государств и исходящих от злонамеренных акторов.

Ключевые слова: человеческая безопасность, цифровые угрозы, международная кибербезопасность, R2P, ООН, теория международных отношений

В 2022 г. Программа развития ООН опубликовала специальный доклад «Новые угрозы человеческой безопасности в антропогене». В нем были по-новому структурированы угрозы человеческой безопасности. Среди них

были выделены четыре главные макрогруппы – насильственные конфликты, разные виды неравенства, угрозы здоровью и угрозы цифровых технологий; остальные угрозы, например экологические или касающиеся нарушений прав человека, были отнесены к прочим¹. Особое внимание вызывает место цифровых угроз: хотя они не упоминались в резолюции 66/290 Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной общему пониманию концепции человеческой безопасности, на новом этапе развития они заняли место одного из главных вызовов.

Научные публикации, посвященные человеческой безопасности, можно разделить на четыре группы. Первая прослеживает эволюцию концепции как продукта дебатов внутри Генеральной Ассамблеи и других органов ООН [Wählisch 2014: 1-3], как результата политики Канады и Японии по продвижению своей повестки [Ogata 2005: 11], как плода компромиссов между критикой концепции «обязанность защищать» и необходимостью бороться с новыми угрозами [Madrueño-Aguilar 2016: 157-163], как идеи, развивавшейся параллельно с идеей человеческого развития внутри единого человекоцентричного дискурса [Gasper 2010: 28-30]. Эта группа фокусируется на политических дискуссиях внутри ООН и в контекстах международного права, но опускает аспект связи концепции с процессами внутри теории международных отношений. Вторая группа публикаций акцентирует внимание на человеческой безопасности в разрезе теории международных отношений, изучая, как ее видят в различных парадигмах [Peou 2014: 50-126], как она дискутирует с политическим реализмом на тему определения понятия безопасности [James 2011: 27-28] и как она соотносится с конструктивизмом через секьюритизацию индивида и человеческого сообщества в целом [Newman 2001: 240-241]. Тем не менее вторая группа оперирует категориями безопасности и ее обеспечения, а не более фундаментальной категорией угроз, которая звучит в самой концепции. Третья группа публикаций использует концепцию человеческой безопасности как теоретическую рамку для осмысления нетрадиционных угроз – асимметричных конфликтов [Baluev et al. 2017: 28-31], пандемий [Newman 2022: 431-433], гендерного неравенства и насилия над женщинами [Tripp, Ferree, Ewig 2013: 3-32], кибербезопасности [Salminen, Hossain 2018: 111-113], но не задается вопросами о структуре и иерархии этих угроз. Четвертая группа публикаций критикует концепцию как потенциально опасную для прав человека [Howard-Hassmann 2012: 106-108], не способную противопоставить себя реализму и закрепляющую восприятие безопасности, сформированное глобальным Севером [Muguruza 2007: 24-26], как единственно верное.

В результате, несмотря на широту тематики, данные исследования не затрагивают вопрос оформления приоритетных и менее приоритетных угроз в человеческой безопасности и не отвечают на вопрос, почему цифровые угрозы были выделены в группу главенствующих вызовов. Так, Л. Митрович помещает их в общеэкономический контекст угроз [Mitrovic 2020: 88], а К. Хоссаин анализирует связь кибербезопасности с другими факторами человеческой безопасности [Salminen, Hossain 2018: 114].

Внимание к приоритизации отдельных угроз, особой роли цифровых угроз и общетеоретическому контексту категории угрозы в международных отношениях, приданное человеческой безопасности в данной работе, решает эти проблемы и придает исследованию новизну.

¹ 2022 Special Report. New threats to human security in the Anthropocene. Demanding greater solidarity. P. 6. – UNDP. URL: <https://hs.hdr.undp.org/pdf/srhs2022.pdf> (accessed 02.02.2023).

Цель исследования – определить причины, по которым цифровые угрозы заняли одно из главенствующих мест среди вызовов в рамках обновленной концепции человеческой безопасности. Для этого необходимо проследить эволюцию концепции человеческой безопасности, выявить, что способствовало разделению угроз на более и менее приоритетные, дать анализ восприятия цифровых угроз в современной концепции и охарактеризовать значимость цифровых угроз для современной мировой политики. В соответствии с задачами базовые методы исследования включают генеалогический метод [Самылов 2013: 22], герменевтический метод и дискурс-анализ. Ивент-анализ служит вспомогательным методом в рамках последней задачи.

Термин «человеческая безопасность» впервые прозвучал в докладе ПРООН 1994 г. о развитии человеческого потенциала. В данном документе он был слабо концептуализирован и представлял собой перечисление отдельных угроз, которые ПРООН видела системными, трансграничными и связанными с провалами «низкой политики», а не с угрозами суверенитету или с межгосударственными конфликтами. В частности, ПРООН выделила «защищенность работы», «гарантии дохода», «безопасность здоровья», «экологическую безопасность», «защищенность от постоянных угроз голода, болезней, преступности и репрессий». Позднее были выделены семь разделов человеческой безопасности: экономическая, продовольственная, экологическая, личная, политическая, безопасность сообществ и здоровья [Соловьев 2011: 53]. В это время в теории международных отношений, прошедшей через синтез нео-нео, объединивший реалистов и либералов по методам и позициям, типичным было восприятие категории угрозы как плода системных и взаимозависимых факторов, например международной анархии и ограниченной рациональности акторов [Mearsheimer 1995: 10; Van Evera 1995: 7-11]. В концепции человеческой безопасности также выделялись именно системные угрозы, что выражалось в их глобальном характере, и взаимосвязанные угрозы, что выражалось в их способности взаимно усиливать друг друга, и это должно было отличать их от угроз, выделяемых при государствоцентричном подходе.

В своей оригинальной форме концепция вызвала негативизм как у развитых, так и у развивающихся стран. Первые рассматривали ее как идеологизированный формат теории развития, способный спровоцировать конфликты в международных организациях [Hirakawa 2020: 94]. Вторые, напротив, считали человеческую безопасность обоснованием для вторжения в их внутренние дела в силу своего гегемонистского уравнительного характера и связанности с идеей обязанности защищать (*R2P*), которая после 1990-х гг. обрела стойкие ассоциации с нарушением суверенитета, хотя изначально подобных коннотаций не несла [Madrueño-Aguilar 2016: 157-158]. Свой вклад внесла и реализация концепции человеческой безопасности в политике, где ее воплощением стали обоснованные всеобщим благом война против терроризма и силовое давление на уязвимые государства [Muguruza 2007: 27].

Ситуацию усложнило то, что за задачу концептуализации человеческой безопасности взялись «срединные державы» – Япония, Норвегия, Канада [Hirakawa 2020: 96]. Они стремились реализовать за счет этого свое влияние и продвинуть собственное нормативное видение, но по-разному расставляли приоритеты и в силу ограничений своего внешнеполитического позиционирования не могли продвигать в рамках человеческой безопасности силовой компонент как инструмент решения глобальных проблем. Это привело к размыванию приоритетов концепции и уравниванию в важности социально-экономической «свободы от нужды» с социально-политическими «свободой от

страха» и «свободой жить в достоинстве» [Madruño-Aguilar 2016: 157-158], что воспринималось как потенциальное превращение концепции в правовое обоснование для групп граждан, борющихся против собственного государства [Howard-Hassmann 2012: 89].

Попытка исправить ситуацию была предпринята в 2011–2012 гг. Тогда человеческой безопасности было решено придать большую практикоориентированность, одновременно дистанцировав ее от *R2P* и включив в нее «традиционные» угрозы внутри- и межгосударственных конфликтов и терроризма [Madruño-Aguilar 2016: 158-159]. Генеральная ассамблея ООН в резолюции 66/290 от 2012 г. подчеркнула, что концепция «не заменяет государственную безопасность», а государства «сохраняют приоритетную роль в ее обеспечении»¹.

Это диссонировало с пониманием человеческой безопасности как порожденной глобализацией альтернативы традиционной, защищающей суверенитет безопасности [James 2011: 28-29]. Тем не менее, развиваясь таким образом, концепция следовала в русле общетеоретической дискуссии, где внимание от структурных факторов сместилось на внутриаполитические особенности государства, которые объясняли его реакцию на системные вызовы [Schweller 2006: 46-68; Taliaferro 2004: 250-267]. Тогда же Т. Форделоне и Р. Шутте высказали идею, что стремление к обеспечению человеческой безопасности не противоречит реализации национальных интересов, поскольку упорядочивает среду и снижает уровень экзистенциальных для государства угроз [Shutt, Fordelone 2006: 37-38].

Увеличение числа угроз в рамках концепции человеческой безопасности потребовало их упорядочения, чтобы предотвратить дальнейшее размывание концепции. Одновременно особую важность приобретали те угрозы, которые имели бы стратегический приоритет для государств и одновременно могли бы ими выявляться и контролироваться. Последнее требование означало привязку угроз не столько к среде, сколько к злонамеренным акторам, которым могли бы противодействовать государства, их объединения или сообщества внутри них. В результате приоритетными становились угрозы, проистекающие от действий и бездействия определенных акторов, имеющие глобальный характер и предотвращаемые с помощью совместных действий государства, гражданского общества и международных организаций. Роль граждан и организаций подчеркивалась не только в силу стремления сохранить системный характер «человеческой безопасности», но и в силу того, что в теоретической сфере развивались концепции, где акцентировалось внимание на опасностях, исходящих от авторитарных государств [Walker 2018: 9-13].

Цифровые угрозы, проанализированные в докладе «Новые угрозы человеческой безопасности в антропоцене», соответствуют данным критериям. Они имеют глобальный характер в силу, во-первых, всеобщей взаимосвязанности пользователей Интернета, во-вторых, проникновения цифровых технологий во все сферы жизни².

Они возникают в силу действия или бездействия конкретных злонамеренных акторов. В докладе подчеркивается, что концентрация власти в руках провайдеров и предприятий, распространяющих технологии, может лишить власти

¹ Resolution adopted by the General Assembly on 10 September 2012. 66/290. – *General Assembly*. 10 September 2022. URL: <https://www.un.org/humansecurity/wp-content/uploads/2022/06/N1147622.pdf> (accessed 02.02.2023).

² 2022 Special Report. New threats to human security in the Anthropocene. Demanding greater solidarity. P. 67. – *UNDP*. URL: <https://hs.hdr.undp.org/pdf/srhs2022.pdf> (accessed 02.02.2023).

пользователей¹; платформы социальных сетей называются потенциальными «фасилитаторами» сексуальной эксплуатации детей, распространения радикальных идей и киберпреступности, а государства обвиняются в создании угроз гражданским свободам через усиление регулирования цифровой среды².

Вместе с тем в анализе цифровых угроз подчеркиваются субъектность и способность справляться с ними тех, кто им противостоит. Это подчеркивается через рекомендации компаниям «создать более централизованную систему продажи патентных прав», государствам — «напрямую финансировать исследования или предлагать для них льготы в качестве компенсации за инновации», создателям ИИ — создавать более репрезентативные с социальной точки зрения дата-сети и т.д.

Помимо соответствия критериям глобальности, связанности со злонамеренными акторами и подконтрольности государству, гражданам и мировому сообществу, на место цифровых угроз в концепции человеческой безопасности повлияли и политические тренды. Во-первых, повестка цифровых угроз и противодействия им была интегрирована в повестку ООН и повлияла на структуру самой организации: были созданы группа правительственных экспертов (ГПЭ) и рабочая группа открытого состава (РГОС), занятые поощрением международного сотрудничества и диалога, выявлением угроз и формулированием норм по противодействию им [Ромашкина 2020: 25-30]. Поскольку человеческая безопасность как концепция была сформулирована в рамках ООН, такие акценты должны были отразиться в ней.

Кроме того, был создан форум по управлению Интернетом, действующий в соответствии с принципом мультистейкхолдерности — вовлеченности в процессы управления всех заинтересованных сторон. Мультистейкхолдерность, с одной стороны, подразумевает вовлечение в принятие решений государств и признание их роли как фактических нормотворцев в рамках национального права. С другой стороны, она означает равное представительство и право голоса для всех участников процесса управления. Это соответствует, с одной стороны, идее о приоритете государства как гаранта безопасности, появившейся в концепции «человеческой безопасности» 2010-х, с другой стороны, стремлению к решению системных проблем неравенства и попыткам ограничить давление государств на уязвимых акторов, создав систему сдержек и противовесов.

Наконец, к 2020-м гг. фактор цифровых угроз приобрел военно-стратегическое значение. Это было связано с расширением использования БПЛА с внедренным в них искусственным интеллектом, появлением кейсов атак на критическую цифровую инфраструктуру³ и использованием новых технологий (например, дипфейков) в информационном противоборстве⁴. Это тесно связало видение цифровых угроз как со злонамеренными акторами, так и с другой приоритетной угрозой человеческой безопасности — насильственными конфликтами.

Таким образом, приоритетное место цифровых угроз в современной концепции «человеческой безопасности» было обусловлено ее трансформа-

¹ Ibid.

² Ibid. P. 68-69.

³ Как атаковали SolarWinds: крупнейшая кибератака на США и силуэт российских хакеров. — *Forklog*. 11.02.2022. Доступ: <https://forklog.com/exclusive/kak-atakovali-solarwinds-kрупnejshaya-kiberataka-na-ssha-i-siluet-rossijskih-hakerov> (проверено 02.02.2023).

⁴ A Zelensky Deepfake Was Quickly Defeated. The Next One Might Not Be. — *Wired*. 17.03.2022. URL: <https://www.wired.com/story/zelensky-deepfake-facebook-twitter-playbook/> (accessed 02.02.2023).

цией, которая подразумевала необходимость структурировать большое число новых угроз и выделить главные из них, сосредоточиваться на тех угрозах, которые бы имели особую значимость для государств, исходили не от среды в целом, а от действия или бездействия злонамеренных акторов, с которыми у мирового сообщества были бы инструменты борьбы. В современной концепции цифровые угрозы видятся именно такими. На это повлияло оформление инструментов противодействия им на уровне ООН, приобретение ими военно-стратегического значения для государств и вовлечение различных участников мирового сообщества в борьбу с ними в контексте мультистейкхолдерности.

Список литературы

Ромашкина Н. 2020. Проблема международной информационной безопасности в ООН. — *Мировая экономика и международные отношения*. № 12(64). С. 25-32.

Самылов О.В. 2013. Генеалогический метод М. Фуко и перспективы исторического познания. — *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. № 2. С. 21-29.

Соловьев Э.Г. 2011. Гуманитарное измерение «мягкой силы»: «человеческая безопасность» во внешней политике РФ. — *Международная жизнь*. № 8. С. 47-60.

Valuev D., Kazakov M., Rykhtik M., Ulmaeva L., Ustinkin S. 2017. Human Security Concept as an Analytical Framework for the Study of Asymmetric Conflict. — *Revista Espacios*. Vol. 38. No. 44. P. 28-38.

Gasper D. 2010. The Idea of Human Security. — *Climate Change, Ethics and Human Security* (ed. by K. O'Brien, A.L. St. Clair, B. Kristoffersen). Cambridge: Cambridge University Press. P. 23-46.

Hirakawa S. 2020. Reviewing the Twenty Years of Japan's "Human Security": From Elusive Theory to Sharp Practice. — *Journal of Asia-Pacific Studies*. No. 39. P. 93-104.

Howard-Hassmann R.E. 2012. Human Security: Undermining Human Rights? — *Human Rights Quarterly*. Vol. 34. No. 1. P. 88-112.

James S. 2011. The Key Drivers of Human Security Discourse and the Challenge to Realism. — *Cornell International Affairs Review*. Vol. 4. No. 2. P. 26-33.

Madrueño-Aguilar R. 2016. Human Security and the New Global Threats: Discourse, Taxonomy and Implications. — *Global Policy*. Vol. 7. No. 2. P. 156-173.

Mearsheimer J.T. 1995. The False Promise of International Institutions. — *International Security*. Vol. 19. No. 3. P. 5-49.

Mitrovic L. 2020. Challenges, Risks and Threats to Human Security in the 4th Industrial Revolution. — *NBP. Nauka, bezbednost, policija*. No. 25. P. 81-97.

Muguruza C. 2007. Human Security as a Policy Framework: Critics and Challenges. — *Yearbook of Humanitarian Action and Human Rights*. No. 4. P. 15-35.

Newman E. 2001. Human Security and Constructivism. — *International Studies Perspectives*. Vol. 3. No. 2. P. 239-251.

Newman E. 2022. Covid-19: A Human Security Analysis. — *Global Society*. Vol. 36. No. 4. P. 431-454.

Ogata S. 2005. Human Security — *St. Antony's International Review*. Vol. 2. No. 1. P. 11-23.

Peou S. 2014. *Human Security Studies: Theories, Methods and Themes*. Singapore: World Scientific Publishing Company. 518 p.

Salminen M., Hossain K. 2018. Digitalisation and Human Security Dimensions in

Cybersecurity: An Appraisal for the European High North. – *Polar Record*. Vol. 54. No. 2. P. 108-118.

Schutte R., Fordelone T.Y. 2006. Human Security: a Paradigm Contradicting the National Interest? – *Carta Internacional*. Vol. 1. No. 2. P. 35-40.

Schweller R.L. 2006. *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power*. Princeton: Princeton University Press. 200 p.

Taliaferro J.W. 2004. *Balancing Risks: Great Power Intervention in the Periphery*. Cornell: Cornell University Press. 336 p.

Tripp A.M., Ferree M.M., Ewig C. 2013. *Gender, Violence, and Human Security: Critical Feminist Perspectives*. N.Y.: NYU Press. 336 p.

Van Evera S. 1995. Offense, Defense, and the Causes of War. – *International Security*. Vol. 22. No. 4. P. 5-43.

Wählisch M. 2014. Human Security: Concept and Evolution in the United Nations. – *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online*. Vol. 18. No. 1. P. 1-31.

Walker C. 2018. What Is “Sharp Power”? – *Journal of Democracy*. Vol. 29. No. 3. P. 9-23.

MATYASHOVA Dar'ya Olegovna, postgraduate student of the Saint Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb, St. Petersburg, Russia, 199034; dasham0708@mail.ru)

THE PLACE OF DIGITAL THREATS IN THE MODERN HUMAN SECURITY CONCEPT

Abstract. In 2022 the concept of human security that had emerged and had been evolving since 1994 was transformed in the domain of prioritized threats. Digital threats were identified as a high-priority group of threats, despite the fact that neither the UN Resolution 66/290 nor the Secretary General's special report on the human security mentioned this factor as menacing in 2012–2013. The given change raises a research issue of its theoretical and political reasons. The accent on both of these dimensions distinguishes the given work from other academic papers that analyze evolution of the human security, but ignore novel digital factors as well as the influence of fluctuating theoretical category of threats in international relations.

The paper concludes that digital threats reached the priority place in the modern concept of human security because of theoretical transformation, determined by gradual reconfiguration of the threat category that moved from systemic to state-centered one. As a result, to reconceptualize the human security, the UN bureaucracy and academics needed to structure a large number of new threats and highlight the main ones, to focus on those threats that would be of particular importance for states, did not come from the environment as a whole, but from the actions or inaction of malicious actors and with which the world community would have the tools to fight. In the modern human security concept, digital threats are seen in this lens. The vision was also formed by the design of instruments to counter digital threats at the UN level, their acquisition of military-strategic importance for states and the involvement of various participants in the world community in the fight against them in the context of multistakeholding.

Keywords: human security, digital threats, international cybersecurity, R2P, UN, international relations theory